

ПО- НЕ- ДЕЛЬ- НИК

Ой, да ладно, я вас умоляю. Да, я убил птицу. Ну так повесьте меня! В конце концов, я же кот. По сути дела, это моя работа — подстергать в саду пухлые, нежные — нямр-ням — пернатые пирожки, которые с трудом перепархивают с одной живой изгороди на другую. И что, скажите, мне было делать, когда один такой утыканный перьями малыш прямо-таки ринулся мне в пасть? Говорю вам, он приземлился мне на лапы. Он мог меня поранить!

Ой, ладно, ладно. Ну, сбил я его. Но это не повод, чтобы Элли рыдала в меня, как в подушку, так что я едва не утоп, и так сжимала, что я чуть было не испустил дух.

— О, Таффи! — причитала она (тут вам и всхлипы-хлюпы, и покрасневшие глаза, и горы мокрых от слез салфеток). — О, Таффи! Как ты мог!

Как я мог? Я же кот. Откуда мне было знать, что поднимется такой тарарам и мама Элли помчится за старыми газетами, а папа Элли притащит ведро с мыльной водой?

Ой, ладно, ладно. Может, и не стоило приносить ее в дом и укладывать на ковре. Может, на нем и в самом деле теперь останутся пятна.

Ну так повесьте меня!

ВТОРНИК

А похороны мне понравились. Не уверен, что доставил им удовольствие своим присутствием, но, в конце концов, это же и мой сад. Вообще-то я в нем провожу намного больше времени, чем они. К тому же единственный в этой семье использую его по назначению.

И никакой благодарности. Вы бы их слышали!
«Этот кот изуродовал мне клумбу. От пету-
ний остались рожки да ножки!»

«Едва я высадила лобелии, как он разлегся
на них и все подавил».

«Ну зачем, скажите на милость, он нарыл ям
в анемонах?»

Жалобы, жалобы, жалобы, жалобы. Не пойму, зачем было заводить кота, если без конца жаловаться?

Только Элли не жалуется. Она слишком занята оплакиванием птахи. Положила ее в коробку, обернула коробку платком, выкопала ямку. Потом мы все встали вокруг, а она произнесла речь: пожелала птичке удачи в раю.

— Пошел прочь! — цыкнул на меня отец Элли, довольно-таки грубый тип. Но я только хвостом махнул. И одарил его суровым взглядом. Кем он себя возомнил? Если я желаю смотреть на похороны птички, я буду смотреть. Я, между прочим, знаком с этой птицей дольше всех. Я знал ее еще живой.

СРЕДА

Ой, ладно, я вас умоляю! Ну хотите — выдерите меня! Я принес мертвую мышь в их «дом, милый дом». Да я даже не убивал ее, нашел уже мертвой. Здесь же опасности на каждом шагу. Дороги по колено засыпаны крысиным ядом, в лю-

бое время суток туда-сюда снуют машины, и я тут, между прочим, не единственный кот. Даже не знаю, что с бедняжкой стряслось. Я просто шел мимо и наткнулся на нее. Она к тому времени уже испустила дух. Недавно, но испустила. И тут мне пришла в голову мысль, что неплохо бы принести ее домой. Не спрашивайте, почему эта мысль пришла мне в голову. Видимо, временное помешательство. Я же не предполагал, что Элли схватит меня и начнет читать нотации.

— О, Таффи! Второй раз за неделю! Я этого не вынесу. Я знаю, что ты кот, что у тебя инстинкт и все такое. Но прошу: перестань ради меня!

И смотрит мне в глаза.

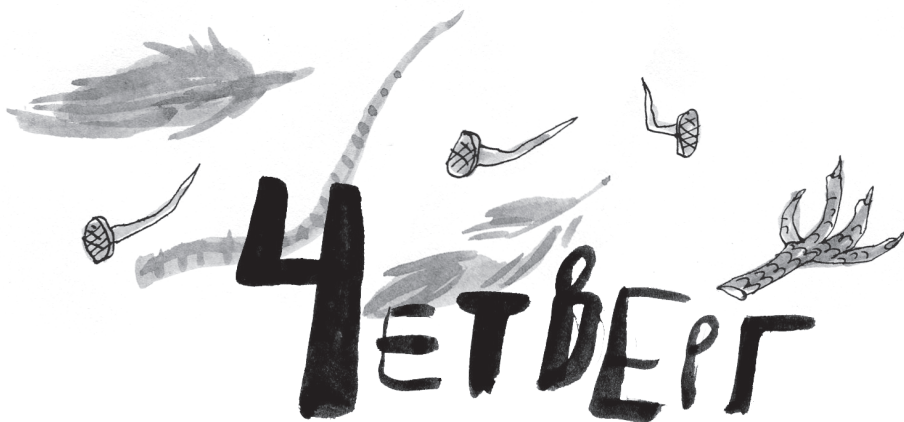
— Перестанешь?

Я одарил ее взглядом. Вернее, попытался, но она мой дар не приняла.

— Я серьезно, Таффи, — сказала она. — Я тебя люблю и понимаю, но ты должен все это прекратить, ладно?

Она держала меня на весу. Что я мог сказать? Тогда я попытался придать себе виноватый вид. Она снова разрыдалась, и мы устроили еще одни похороны.

Здесь становится все забавней. Прямо цирк какой-то.

Ладно, ладно! Попытаюсь объяснить про кролика. Прежде всего, вы вряд ли себе представляете, чего мне стоило протащить его сквозь кошачью дверцу. Это было ох как нелегко. Около часа у меня ушло на то, чтобы втянуть этого кролика в маленький кошачий лаз. Надо же такие бока отъесть! Это какой-то поросенок, а не кролик, если кого-то интересует мое мнение.

Нет, оно никого не интересовало. Они просто с ума посходили.

— Это Шлеп! — завопила Элли. — Это соседский Шлеп!

— Боже правый! — сказал папа Элли. — Вот теперь мы по-настоящему влипли. Что же делать?

Мама Элли уставилась на меня.

— Неужели кот мог такое сотворить? — спросила она. — Это вам не птичка, не мышь. Этот кролик ростом с Таффи. Они оба весят по тонне.

Мило. Очень мило. И это говорит моя семья. В смысле, семья Элли. Но вы меня поняли.

Элли, разумеется, устроила истерику. Просто голову потеряла.

— Какой ужас! — вопила она. — Кошмар! Не верю, что Таффи мог такое сделать. Шлепик был нашим соседом много лет.

Конечно. Шлеп был моим другом. Я его хорошо знал.

Элли накинулась на меня.

— Таффи! Как же так? Бедный, бедный кролик! Ты только погляди на него!

Надо признаться, выглядел Шлеп неважнецки. В основном, конечно, из-за налипшей земли. И травы. И нескольких палочек-веточек, застрявших в шерсти. И из-за масляного пятна на одном ухе. Но если вас протащить через весь сад, потом через живую изгородь и недавно смазанную маслом кошачью дверцу, вы вряд ли будете выглядеть так, будто явились на званый ужин.

Впрочем, Шлепу было наплевать на внешний вид. Он был мертв.

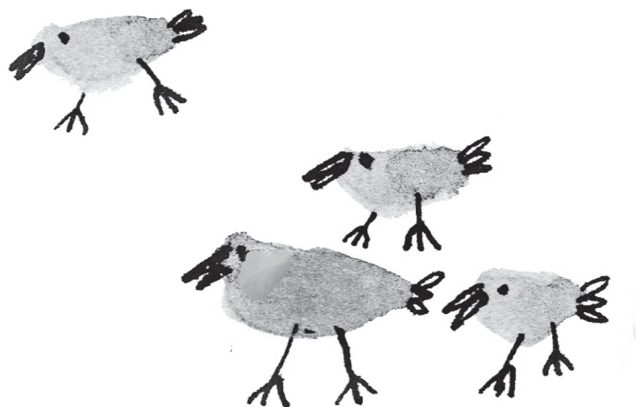
Зато всем остальным было на это почему-то не наплевать.

— Что же делать?

— Это конец. Соседи перестанут с нами разговаривать.

— Нужно что-то придумать.

И они придумали. План, доложу я вам, был великолепен, просто высший класс. Сперва папа Элли притащил ведро (да-да, опять!) и наполнил его теплой мыльной водой. И все поглядывал на меня, чтобы я почувствовал себя виноватым за то, что ему приходится второй день подряд возиться с моющими средствами. Я ответил ему своим фирменным взглядом «меня — этим — не — проймешь».

Потом мама Элли окунула Шлепа в ведро и хорошенько постирала, а потом прополоскала. Вода стала коричневой. Грязи-то сколько! Потом, то и дело бросая на меня взгляды, словно это я был виноват, они вылили воду и повторили всю процедуру со свежей мыльной пеной.

Элли, конечно, вся изревелась.

— Прекрати, Элли, — сказала ей мама. — Ты действуешь мне на нервы. Если хочешь принести пользу — принеси фен.

Элли поплелась на второй этаж, продолжая всхлипывать.

Я сидел на шкафу и наблюдал.

Шлепа домыли и снова окунули в ведро. Какое счастье, что он ничего не чувствовал. Ему вряд ли понравилось бы такое «измывательство». Когда вода наконец стала чистой, Шлепа вынули и вытерли. Потом положили на газету и призвали Элли с феном.

— Твоя очередь, — сказали они ей. — Сделай ему красивую укладку.

И она сделала. Получилось нечто, доложу я вам. Наверняка Элли станет всемирно известным парикмахером, когда вырастет. Шлеп и при жизни никогда не был так великолепен.

— Здорово, Шлеп, — кивал я ему, когда шел мимо проверить миску соседского кота.

— Привет, Тафф, — подергивал он в ответ носом.

Мы были добрыми приятелями. Даже друзьями. Так что я обрадовался, что благодаря усилиям Элли он смотрится таким франтом.

— И что дальше? — спросил папа.

Мама поглядела на него так, как она иногда смотрит на меня, только немного добрее.

— Ну уж нет, — сказал он. — Только не я. Нет, нет, нет и еще раз нет.

— Или ты, или я — одно из двух, — сказала она. — Не мне же идти, правда?

— Почему? — спросил папа. — Ты меньше меня. Тебе легче пролезть под живую изгородь.

Вот тогда-то я и понял, что они задумали. Но как я мог их остановить? Объяснить, что ли?

Я же всего лишь кот.

Оставалось сидеть и смотреть.

ПЯТНИЦА

Я говорю — пятница, потому что они дождались ночи. Часы показывали за полночь, когда отец Элли наконец поднял себя из уютного кресла перед телевизором и пошел на второй этаж. Когда он вернулся, он был одет во все черное. С головы до ног.

— Ты похож на котокрада, — сказала мама.

— Жаль, на нашего кота ни один котокрад не позарится, — проворчал папа.

Я проигнорировал его слова. На это мне хватило ума.

Они вместе дошли до двери черного хода.
— Не включай свет во дворе, — предупредил папа. — Еще выглянет кто-нибудь.

Я тоже попытался выскользнуть на улицу, но мама Элли придержала меня ногой.

— Сегодня дома посидишь для разнообразия, ничего с тобой не случится, — сказала она мне. — Хватит с нас неприятностей на этой неделе.

Ой, я вас умоляю, тоже мне секрет! Мне все равно потом все пересказали Белла, Тигр и Пушкинс. Отличные, кстати сказать, ребята. Они все были свидетелями того, как отец Элли

крадется через лужайку с пластиковым пакетом, в который был втиснут бедняга Шлеп, аккуратно завернутый в полотенце, чтобы не испачкался. Как он продирается сквозь лаз в живой изгороди и на животе переползает лужайку наших соседей.

— Я все ломал голову — что же это он вытворяет? — говорил потом Пушкинс.

— Загубил наш лаз, — пожаловалась Белла. — Так его раскочевряжил, что ротвейлер Томпсонов теперь в него запросто пройдет.

— У этого господина ночное зрение никуда не годится, — сказал Тигр. — Он целую вечность искал в темноте кроличью клетку.

— И открывал задвижку.

— А потом он запихнул туда старину Шлепа.

— И аккуратно уложил на соломенной подстилке.

— И ушки поправил.

— И соломкой подоткнул.

— Чтобы казалось, будто он спит.

— Кстати, получилось очень натурально, — сказала Белла. — Я бы поверила. Случись кому мимо идти, тот непременно решил бы, что старина Шлеп мирно, спокойно умер во сне от старости.

Они захохотали.

— Ш-ш-ш! — сказал я. — Потихе, ребят. А то услышат, а мне не положено сейчас быть

на улице. Меня отстранили от полетов.

Они уставились на меня.

— Да ты что!

— Seriously?

— За что?

— За убийство, — говорю. — Хладнокровное кроликоубийство.

Тут мы все снова покатались со смеху. Прямо-таки застонали от смеха. Последнее, что я слышал перед тем, как мы всей бандой рванули по Бичкрофт-драйв, был звук распахнувшегося окна спальни и вопль папы Элли:

— Как ты выбрался, хитрый зверюга?

Ну и что он теперь сделает? Заколотит кошачью дверцу?

**СУБ ВСЁ ЕЩЁ
ПЯТНИЦА**

Он заколотил-таки кошачью дверцу. Нет, вы представляете? Утром спустился по лестнице прямо в пижаме и сразу же схватился за молоток и гвозди.

Бам, бам, бам, бам!